

Предисловие

К сегодняшнему дню огонь, полыхающий в Тибете, уже унес жизни ста семи тибетцев. Полное пренебрежение Китая религиозными чувствами, культурными ценностями и обоснованными политическими устремлениями тибетского народа лишь усугубляет и без того глубокий кризис в Тибете. Причины кризиса лежат в политических репрессиях со стороны Китая, политике культурной ассимиляции, экономической маргинализации, социальной дискриминации и разрушении окружающей среды в Тибете.

Мы, Кашаг, продолжаем обращаться к тибетцам с призывом не прибегать к крайним действиям, включая саможжения, поскольку жизнь драгоценна. К сожалению, саможжения в Тибете не прекращаются. А потому наша священная обязанность поддерживать тибетцев и говорить мировому сообществу об их упованиях на возвращение на родину Его Святейшества Далай-ламы и обретение Тибетом свободы. Центральная тибетская администрация (ЦТА) уверена, что совместные действия международного сообщества могут убедить китайских лидеров сменить политику на более мягкую, которая отвечала бы чаяниям тибетского народа и одновременно не подрывала суверенитет и территориальную целостность Китайской Народной Республики. Такова цель, с которой мы предлагаем вниманию мирового сообщества и лидеров настоящий отчет. В нем представлено глубокое исследование и анализ тех аспектов политики, [проводимой китайским руководством], которые лишают тибетцев их культуры и языка и подрывают их традиционный образ жизни.

Эти четыре важнейших политических аспекта включают подавление религии и ограничение использования тибетского, насильственное переселение тибетских кочевников с пастбищных угодий и политику перемещения населения, способствующую притоку китайцев на Тибетское нагорье и низводящую коренное тибетское население до положения бесправного и маргинализованного меньшинства на их собственных землях.

Мы публикуем этот отчет с тем, чтобы осветить наиболее глубокие слои текущего кризиса в Тибете. Мы надеемся, что настоящий отчет станет подспорьем для международного сообщества и подтолкнет его к тому, чтобы настойчиво призвать новое китайское руководство во главе с Си Цзиньпином принять новую мудрую политику в отношении тибетского народа. Мы неоднократно говорили и повторяем снова, что ответственность за текущий кризис в Тибете, равно как и ключ к его разрешению находятся в руках китайского руководства.

Лобсанг Сенге
Сикьонг
16 мая 2013

Вступление

В настоящем подробном докладе изучается, какие причины лежат в основе растущего числа самосожжений, захлестнувших Тибет. Центральная тибетская администрация неоднократно обращалась к тибетцам в Тибете с призывами воздержаться от самосожжений. Но, несмотря на многочисленные призывы ЦТА остановить самосожжения, тибетцы продолжают предавать себя огню с пугающей частотой. Все они призывали к возвращению Его Святейшества Далай-ламы на родину и требовали свободы для Тибета. Каковы причины, толкающие тибетцев на подобные крайние акты отчаяния?

Причина кроется в полном провале политики, проводимой Китаем в Тибете на протяжении более шестидесяти лет. Революция, назревающая в Тибете, подпитывается политическими репрессиями, политикой культурной ассимиляции, социальной дискриминации, экономической маргинализации и разрушения окружающей среды. На настоящий момент уже сто семь тибетцев, большинству из которых едва исполнилось двадцать лет, предали себя огню. Согласно китайской коммунистической пропаганде именно это поколение должно было ощутить на себе в полной мере все блага китайского правления в Тибете. Вместе с тем совершенно ясно, что впечатляющий провал китайской политики в Тибете привел к полному отчуждению новых поколений тибетцев; они выражают свое неприятие китайского господства тем, что открыто заявляют о преданности Его Святейшеству Далай-ламе, которого они никогда не видели, и который не был в Тибете вот уже более пятидесяти лет.

Еще в самом начале китайского правления в Тибете видные тибетские лидеры, работавшие в органах китайской компартии, предвидели будущий провал попыток Китая решить фундаментальную проблему своего господства в Тибете. Уже в начале 1960-х годов эти лидеры решительно осуждали китайскую политику. Актом небывалого мужества и смелости стала петиция из семидесяти тысяч иероглифов, адресованная Десятым Панчен-ламой верховному руководству Китая, которая, хотя и была составлена в дипломатических выражениях, обвиняла Китай в осуществлении культурного геноцида в Тибете. Пламенная критика китайского режима в Тибете дорого стоила Панчен-ламе. Мао Цзэдун назвал тибетского лидера «нашим классовым врагом», а его петицию из семидесяти тысяч иероглифов – «отравленной стрелой». Против него развязали пропагандистскую кампанию, подчас жестокую, а его самого отправили в тюрьму, где он провел в одиночном заключении много лет. Выйдя на свободу после смерти Мао Цзэдуна, Панчен-лама возобновил свою критику и в 1989 году заявил, что под властью коммунистического Китая Тибет больше потерял, чем приобрел. Буквально через несколько дней после этого заявления Панчен-лама внезапно скончался при странных обстоятельствах.

Арджя Ринпоче, настоятель монастыря Кумбум в Тибете, занимал многие важные должности в Буддийской ассоциации Китая. В 1989 году он бежал в Америку, не выдержав давления со стороны властей, требовавших от него признать назначенного Китаем нового Панчен-ламу. «Современную историю Китая, – говорит он, – можно представить как “Рассказ о трех рыбах”. Рыба-Тайвань все еще плавает в океане. Ее никто не поймал – по крайней мере, пока. Рыба-Гонконг жива, но выставлена на всеобщее обозрение в китайском аквариуме. Третья рыба – Тибет – зажарена и подана на стол и уже наполовину съедена: ее язык, религия, культура и народ исчезают быстрее, чем ледниковые шапки на вершинах гор».

Нгапо Наванг Джигме, один из самых известных тибетцев, который работал в органах китайской компартии и считался одним из национальных лидеров КНР, много лет назад на партийном съезде сказал, что все пожилые тибетцы мечтают повидать Далай-ламу, пока они еще живы. Это стало бы воплощением их самых заветных надежд.

Это желание всего тибетского народа выразил и Пхунцог Вангьял, основатель Тибетской коммунистической партии, в одном из писем по проблеме Тибета, адресованных им высшему китайскому руководству. «Большинство тибетцев в Каме, в (Центральном Тибете) Тибете и Амдо всей душой ощущают горечь оттого, что с ними нет их духовного лидера, Далай-ламы. Они верят в него и возлагают на него свои упования, просят его проявить к ним милость и молятся ему».

Многие тибетские интеллектуалы и кадровые сотрудники органов коммунистической партии в Тибете так описывают годы китайского правления: «В первые десять лет (1950-1960) мы потеряли наши земли (т.е. коммунистический Китай захватил Тибет). Во второе десятилетие (1960-1970) мы утратили политическую власть (прежнее правительство Тибета было заменено коммунистическими органами власти). В третье десятилетие (1970-1980) мы потеряли свою культуру (культурная революция разрушила традиционный тибетский уклад). А в четвертое десятилетие (1980-1990) мы потеряли свою экономику (китайские переселенцы захватили рынок рабочей силы в Тибете)».

Эта суровая критика китайского правления в Тибете проливает свет на причины, толкающие столь многих молодых тибетцев на самоожжения. Молодые люди ежедневно видят, как Китай неумолимо ведет наступление на буддийскую цивилизацию Тибета, его язык и национальную идентичность тибетского народа. У них вызывает негодование активное вмешательство со стороны Китайской коммунистической партии в их духовную жизнь, в том числе попытки китайских коммунистов назначать тибетских духовных лидеров. Их до глубины души оскорбляет то, как Китай демонизирует Его Святейшество Далай-ламу и заставляет монахов публично отречься от него. С тревогой и страхом взирают они на потоки китайских поселенцев, устремляющихся в Тибет: китайцы лишают тибетцев работы, земли и будущего, походя превращая тибетские села и города в бесконечные «чайнатауны». Они протестуют против политики переселения кочевников с пастбищ, в рамках которой скотоводов заставляют переходить на оседлый образ жизни без возможности добывать средства к существованию, обрекая тем самым на обнищание некогда экономически самостоятельные семьи. В то же время тибетцы видят, как на их землях разворачивается бурное строительство и разработка месторождений, практически не приносящие им никакой выгоды и имеющие целью вывезти как можно больше тибетских природных ресурсов в бедный ресурсами Китай. В действительности, политика Китайской коммунистической партии наглядно демонстрирует тибетцам, что Китаю нужен Тибет, а тибетский народ ему только мешает.

Тибетцы постоянно испытывают на себе давление со стороны Китая и одновременно чувствуют себя покинутыми всем остальным миром, проявляющим полное равнодушие к их судьбе. Эти чувства разделяют и тибетологи. Дэвид Снеллгроув и Хью Ричардсон пишут в своей книге «Культурная история Тибета»: «Мы взяли за создание этой книги именно сейчас, поскольку прямо у нас на глазах исчезает цивилизация тибетского народа при молчаливом и безжалостном попустительстве всего остального мира: немногочисленные слабые протесты, возникающие то здесь, то там, не в счет. Многие цивилизации приходили в упадок и разрушались в прошлом, но редко кому доводилось стать не просто свидетелем такого процесса, но полностью осознавать суть происходящего».

Здесь надо задать важный вопрос: закономерно ли происходящее в двадцатом и двадцать первом веке разрушение буддийской цивилизации Тибета, которую тибетский народ создавал на протяжении тысячи трехсот лет? Является ли это стремление к разрушению культуры другого народа врожденной чертой характера китайского народа?

Очевидно, что ответ на эти вопросы: решительное нет. На протяжении всей истории китайский народ и его культура неоднократно доказывали свою космополитичность, всеобъемлющий и всеприемлющий характер. Вспомним, с какой толерантностью на протяжении многих столетий Китай относился к буддизму, христианству, исламу и другим некитайским религиям. Конфуцианский Китай, возможно, смотрел на некитайский мир с некоторой долей снисходительности, но никогда не проявлял нетерпимости, считая народы, живущие на периферии империи, варварами, у которых Срединному государству нечему поучиться, но которых оно само может обучить, как построить цивилизованное общество, и как им управлять. Существовала одна единственная страна, куда, несмотря на пренебрежительное отношение к культурам других народов за пределами границ империи, Китай всегда отправлял учиться своих учеников, и откуда приглашал к себе наставников. Этой страной была Индия. Почему именно Индия? Потому что здесь зародилась традиция буддизма, отсюда она распространилась по многим регионам Азии, включая и Китай, и легла в основу системы культурных и национальных ценностей и верований многих народов.

Восхищение Китая перед буддизмом лучше всего выразил Сюань-цзан, китайский путешественник, который в VII веке отправился в Индию, где много лет прожил в монастыре-университете Наланда,

изучая буддизм и другие дисциплины. Его путешествие в Индию по Шелковому пути увековечено в китайском эпосе «Путешествие на Запад». Амартия Сен в сборнике рассказов о культуре, истории и национальной идентичности Индии «*The Argumentative Indian: Writings on Indian Culture, History and Identity*» приводит слова Сюань-цзана, которыми тот ответил на просьбы наставников и студентов Наланды, уговаривавших его не возвращаться в Китай: «Будда даровал свое учение, дабы оно распространилось во всех землях. Кто же захочет наслаждаться им в одиночку, забыв о тех, кто еще не достиг пробуждения?»

Распространение буддизма в Китае в значительной степени способствовало тому, чтобы раскрыть умы китайцев и научить их более высоко ценить культуру и мудрость, исходящие из мира за пределами их собственного государства. Этот исторический факт доказывает, что разрушение буддийского Тибета коммунистическим Китаем не обусловлено особенностями китайского народа или его культуры. Оно стало следствием нетерпимости, пришедшей в Китай вместе с коммунистической идеологией с Запада. А еще точнее, причины происходящего в построенном по ленинским принципам китайском государстве, которое видит в тибетской культуре и национальной самобытности угрозу своей партийной власти в Тибете.

Это наблюдение подтверждается отношением китайских ученых и активистов к происходящим в Тибете самоожжениям. В недавнем интервью журналу «*Foreign Policy*», напечатанном в номере за сентябрь-октябрь 2012 года, всемирно известный китайский художник Ай Вейвей, так ответил на вопрос, бывал ли он прежде в Лхасе: «Нет. И мне было бы стыдно туда ехать. Я думаю, что из уважения [к тибетцам] следовало бы не трогать их, оставить их в покое».

Жань Юньфэй, китайский писатель и блогер, известный своим независимым мышлением, заявил в интервью «*New York Review of Books*»: «Коммунисты уничтожили религию. Они же в этом ничего не смыслят. Взгляните на Тибет. Я так и сказал сотрудникам госбезопасности, что они зашли слишком далеко. Они запрещают тибетцам вывешивать портреты Далай-ламы. Сами они неверующие, так что им этого не понять. А тибетцев это все угнетает и рождает в них недовольство. А потом коммунисты приходят в храмы и вместо портретов Далай-ламы вывешивают портреты Мао Цзэдуна, или Цзян Цзэминя, или Ху Цзиньтао. Это уже через край! Так не делают. Ничего удивительного, что тибетцы сжигают себя».

Правда такова, что, несмотря на политику репрессий и экономических и финансовых стимулов, проводимую Китаем в Тибете, тибетцы сохраняют непоколебимую преданность Его Святейшеству Далай-ламе. И это большая проблема для Китая. Он может господствовать в Тибете, но не властен над сердцами тибетского народа. А захватнический характер китайской власти еще больше отчуждает тибетцев от их правителей. Чтобы заставить тибетский народ отказаться от поклонения Его Святейшеству Далай-ламе Китай проводит кампании, в ходе которых принуждает тибетцев публично осуждать и очернять своего духовного лидера. Курс на очернение Его Святейшества Далай-ламы наносит удар в самое основание тибетских ценностей и разжигает огонь, в котором сгорают жизни десятков молодых тибетцев. Ставшее для китайского руководства традиционным сравнение тибетского духовного лидера с демоном превращает весь Тибет в классового врага Китайской коммунистической партии. Это как если бы Гитлер назвал Иисуса Христа сатаной и ждал бы после этого, что весь христианский мир полюбит нацистского диктатора. Сравнение тибетского духовного лидера с демоном – это тяжчайшее оскорбление, какое только можно нанести тибетскому буддизму. Это наивысшее проявление нетерпимости к культуре и духовным ценностям другого народа. Именно подобные оскорбления тибетской культуры и буддизма, а также настойчивая кампания по очернению Далай-ламы толкают молодых тибетцев на совершение самоожжений как актов протеста против китайского господства и унижений, которым Китайская коммунистическая партия подвергает их самые сокровенные чувства.

Долгие годы китайское руководство приучало тибетцев к тому, что двум солнцам – Китайской коммунистической партии и тибетскому буддизму – не светить на одном небосклоне. И ужасные самоожжения, происходящие на Тибетском нагорье, свидетельствуют о том, что тибетский народ согласен с этим утверждением. Для обитателей Тибетского нагорья есть только одно солнце на тибетском небосклоне – это Его Святейшество Далай-лама и те духовные и культурные ценности,

которые он воплощает. Из ста семи человек, совершивших самоожжения в Тибете, шестьдесят один среди прочего призывал к возвращению на родную землю Его Святейшества Далай-ламы. Для сорока человек самым заветным желанием была свобода Тибета. Восемь из самоожженцев требовали независимости Тибета. Пятеро призывали тибетцев в Тибете и за его пределами сохранять единство.

Наверное, правильно будет в заключение процитировать слова китайского писателя о коммунистическом правлении в Тибете. Книга Ма Цзяня «*Stick Out Your Tongue*» была впервые опубликована на китайском языке в 1987 году в журнале «*People's Literature*». Некоторое время спустя, когда автор переехал в Гонконг, в материковом Китае книгу запретили. Причиной запрета, по словам официального китайского цензора, послужило то, что она «является вульгарной и непристойной, позорит образ наших тибетских соотечественников». С тех пор книгу перевели на английский язык и издали на Западе. В послесловии к английскому изданию, написанному в 2005 году еще до начала на Тибетском нагорье массовых мирных протестов 2008-го и до начала самоожжений, происходящих в Тибете сегодня, Ма Цзянь так характеризует природу китайской коммунистической власти в Тибете:

Внешне Тибет также очень сильно изменился, по крайней мере, города. Лхаса превратилась в неопрятный, грязный город из тех, что повсеместно встречаются в Китае, с караоке-барами, массажными салонами и кричащими неоновыми вывесками. Китайское правительство обнаружило, что экономическое процветание гораздо лучше, чем автоматы и танки, заглушает голоса, требующие демократии и региональной автономии. Однако к тибетцам, осмеливающимся выступить против китайского господства, по-прежнему применяют жесткие меры. Сегодня более сотни тибетцев томятся в китайских тюрьмах за свои политические убеждения.

На Западе я повстречал много людей, чьи романтические представления о Тибете созвучны тем, что испытывал и я сам до того, как я посетил эту страну. Сдается, что люди, находящиеся в разладе с современным миром, испытывают острую потребность верить в существование рая на земле, места, где люди жили бы в мире и гармонии. На Западе принято идеализировать тибетцев, считать их благочестивым народом, не подверженным низменным желаниям и алчности. Тем не менее, мой опыт свидетельствует о том, что тибетцы могут быть столь же склонны к коррупции и жестокости, как и все мы. Идеализировать их, значит отказывать им в человеческих качествах.

У китайцев же сохранился совершенно другой взгляд на Тибет. Для них это не загадочная Шангри-ла, а дальний аванпост, «освобожденная» Китаем страна, как гласит националистическая пропаганда великой Китайской коммунистической партии. И они будут ожесточенно противостоят любым попыткам нарушить «территориальную целостность Родины». Они ничего не знают ни о разрушениях, произведенных китайцами в Тибете, ни о том, что по предположительным оценкам с 1949 года один миллион двести тысяч тибетцев погибли в результате политических преследований, в тюрьмах, от пыток и голода.